

Что в этом «синтезе» играет главную роль, видно из следующего утверждения Остелэ: он объявляет «реалистическим, отвечающим прямо человеческому инстинкту право более сильного народа господствовать над другими народами и эксплуатировать их» (стр. 12—13). О колониалистской сущности «экспериментального синтеза» свидетельствует и то, что, по словам автора, политика бельгийских колониальных властей в Конго отвечала этой концепции.

Не удивительно, что автор с подчеркнутой неприязнью относится к национально-освободительному движению африканских народов и к уже возникшим суверенным государствам. Он пытается скомпрометировать в глазах читателей политический режим и руководящих деятелей Ганы, Гвинеи и других стран.

Особую тревогу Остелэ вызывает растущий международный престиж Советского Союза и других социалистических государств. Он сетует на популярность их политического и экономического строя среди населения слабых стран Азии, Южной Америки и Африки (стр. 195). «Коммунисты, — пишет он, — пользуются престижем как освободители угнетенных и эксплуатируемых народов и как строители социальной организации, обеспечи-

вающей трудящимся свободу и процветание» (стр. 233). При этом Остелэ вынужден признать огромные достижения социалистического лагеря. «Я могу только искренне восхищаться... достижениями этих государств в национальной экономике, особенно в области промышленности, так же как и в развитии социального обеспечения, народного просвещения, науки, техники и искусства» (стр. 231). Но проповедника колониальной системы не устраивает только объективная оценка. И в ход идет клевета. Остелэ пускается во все тяжкие, чтобы доказать «опасность коммунизма» для африканских народов, используя для этого все средства из арсенала западной пропаганды.

Книга Остелэ вышла до завоевания конголезским народом политической независимости. Но последующие события показали, что правящие круги Бельгии рассчитывали на чисто символический характер этой независимости, что позволило бы бельгийскому капиталу фактически сохранить свое господство в стране. Бельгийская агрессия в Конго, поддержанная другими империалистическими государствами, является практическим выражением проповедуемой устами Остелэ колониалистской концепции «экспериментального синтеза».

С. ФИЛЬШТИНСКИЙ

АВТОПОРТРЕТ ПРЕДАТЕЛЯ

Неспокойно было в Хашимитском королевстве, и, предчувствуя возможный конец своей карьеры, Хазаа аль-Маджали, премьер-министр Иордании, решил написать мемуары. Правда, в срок лет как будто бы и рано предаваться этому занятию... Но в данном случае поспешность оказалась вполне оправданной: в мае 1960 года «Воспоминания» аль-Маджали вышли из печати, а 29 августа взрыв бомбы в Аммане оставил страну без премьер-министра.

Книга аль-Маджали интересна прежде всего тем, что в ней вы-

هزاع المجالي، مذكراتي، بيروت، ١٩٦٥، ص ٢٢١

ражена его точка зрения на многие вопросы внутренней и внешней политики Иордании — точка зрения представителя тех кругов, которые предают ее национальные интересы.

В правительственных кругах Иордании Хазаа аль-Маджали был значительной личностью. Он ведет свой род от шейхов племени аль-Маджали. Его отец, Баракат аль-Маджали, участвовал в восстании 1916 года на стороне эмира Фейсала.

Начало своей карьеры аль-Маджали положил в 1947 году, когда стал заведовать протоколом при королевском дворе. Этот пост открыл ему возможность приблизиться к королю.

Страницы книги, посвященные

Абдаллаху, являются попыткой обелить и приукрасить роль этого ставленника английского империализма, хотя автор и уверяет, что он не ставил своей целью оправдывать и защищать его. «О нем говорили, что он преданный агент Запада. В действительности он был непримиримым врагом коммунизма», — пишет аль-Маджали (стр. 52). Вот в чем источник его восхищения, его преданности своему королю! Непримиримый враг коммунизма — это он мог бы сказать и о себе. Абдаллах, сообщает далее автор, «стремился использовать Запад в интересах своей страны (читай: заключил с Англией договор, делавший Иорданию марионеткой в руках английского империализма. — Н. З.), своей армии (читай: отлал Арабский легион Джону Глаббу), своего народа (читай: тюрьмы и террор в стране)» (стр. 52).

Его величество высоко ценил преданность своего слуги и единомышленника. Будучи с конца 1948 года главой муниципалитета Аммана, Хазаа аль-Маджали по желанию Абдаллаха каждый вечер посещал дворец, присутствовал на всех выходах и приемах короля, ездил с ним за границу.

Много места в «Воспоминаниях» уделяет автор описанию сближения Иордании с монархическим Ираком, борьбе реакционных правящих кругов за вступление страны в Багдадский пакт. Такой курс во внешней политике Иордании наметился в последние годы правления Абдаллаха. Тайные переговоры, которые он начал вести, продолжал Тауфик Абу-ль-Хади, ставший премьером в новом кабинете после убийства короля. Переговоры велись с Нури Саидом, который прибыл на похороны Абдаллаха. Примечательно признание автора мемуаров, что политика сближения с Ираком инспирировалась Англией (стр. 109).

К внутренней политике Тауфика Абу-ль-Хади, весьма непопулярного в стране, Хазаа аль-Маджали становится в позу оппозиционера и в ноябре 1952 года принимает на себя обязанности секретаря оппозиционной группы в парламенте. Требования оппозиции, в которую входили Анвар аль-Хатиб, Абд аль-Кадир Салих, Абд аль-Фаттах Дарвиш, были следующими: отставка кабинета Тауфика Абу-ль-Хади, изменение конституции, чистка административного аппарата и даже отмена «чрезвычайных законов». Однако внешнеполитический курс Абу-ль-Хади Хазаа аль-Маджали целиком

поддерживает. Когда после нескольких правительственных кризисов в мае 1954 года к власти снова пришел Тауфик Абу-ль-Хади, аль-Маджали создает свою Национально-социалистическую партию, основой политической платформы которой была необходимость союза Иордании с Ираком.

В 1955 году, когда был создан Багдадский пакт и партнеры Иордании по Лиге арабских стран — Египет и Саудовская Аравия отказались присоединиться к нему, вопрос об отношении к пакту был поставлен на обсуждение иорданского парламента. Аль-Маджали и его партия выразили безоговорочную поддержку этому акту иракского правительства.

Став министром внутренних дел в правительстве Саида аль-Муфти, пришедшего на смену Тауфику Абу-ль-Хади, аль-Маджали с упорством, достойным лучшего применения, добивается присоединения страны к Багдадскому пакту. В ноябре 1955 года переговоры об этом идут между королем и специально приехавшим в Иорданию президентом Турции Джемалем Баяром.

Общественное мнение оказалось сильнее реакционных правительственных кругов. В Багдадский пакт Иордания не вступила.

В декабре 1955 года для нового нажима на Иорданию сюда приезжает английский генерал Темплер. Страна бурлит, как кипящий котел. Всеобщая забастовка, демонстрации, протесты патристически настроенных общественных деятелей Иордании и других арабских стран — нет, не это основное в «Воспоминаниях» аль-Маджали, относящихся к этому периоду. Его волнует другое — в эти бурные дни он стал премьер-министром. «...Я получил тысячи приветственных телеграмм», — самодовольно отмечает он (стр. 172). О телеграммах протеста против стремления присоединить Иорданию к агрессивному Багдадскому пакту автор «Воспоминаний» счел за благо умолчать... Хазаа аль-Маджали жалуется, что стал премьером в «трудное время», что именно ему поручил Хусейн формировать правительство в тот момент, когда Иордания стояла перед выбором: быть или не быть членом Багдадского пакта.

И аль-Маджали продолжает прерванные правительством аль-Муфти переговоры с Темплером. Особых успехов ему, правда, достичь не удалось: протесты и демонстрации вынудили его правительство через пять дней после

сформирования уйти в отставку. Воспоминание не из приятных! Даже сын аль-Маджали, ученик начальной школы, сказал ему: «Папа, ребята ругают тебя и говорят, что ты предатель» (стр. 174). Но и уйдя с поста премьера, Хазаа аль-Маджали стремится повлиять на исход переговоров. В «беспорядках» он обвиняет всех: и Египет, и Саудовскую Аравию, и коммунистов. Явившись на заседание нового правительства, сформированного Самиром ар-Рифаи, бывший премьер произносит пространную речь о том, что Иордании необходимо вступить в Багдадский пакт. Однако под давлением широких народных масс Иордании и общественного мнения арабских стран правительство Самира ар-Рифаи отказалось сделать этот шаг.

Автор «Воспоминаний» приводит небезынтересный факт. Его предшественник на посту премьера Саид аль-Муфти зимой 1955 года получил от посла Иордании в Каире сообщение, что советский посол в Египте от имени Советского правительства предлагает установить с Иорданией дипломатические отношения и предоставить ей помощь, в которой она нуждается. Вскоре английский посол в Иордании потребовал немедленной встречи с королем Хусейном и выразил ему, как пишет аль-Маджали, «свое сожаление по поводу этого послания» (стр. 163). Каково же было удивление посла, когда он понял, что Саид аль-Муфти поторопился поведать все ему, представителю Англии, но еще не поставил в известность своего короля!

В сентябре 1956 года, перед уходом в отставку, правительство Саида аль-Муфти распустило парламент. Пришедший ему на смену кабинет Ибрахима Хашима объявил новые выборы, разрешив участвовать в них организациям Объединенного отечественного фронта, куда входили представители Иорданской коммунистической партии. Какой бранью раздражается аль-Маджали, упомянув ненавистное ему слово — Компартия, в каких смертных рехах не обвиняет мировое коммунистическое движение! Однако, при всей своей ненависти к коммунистам, он не может не сделать признания: «Коммунистическая партия Иордании нашла в иорданской действительности благоприятную почву» (стр. 183) и даже «завоевала умы» (стр. 195) учителей и студентов. В устах верного слуги англо-американского

империализма и одного из самых рьяных реакционеров Иордании такое признание значит много...

Как же относится аль-Маджали к другим политическим партиям, принимавшим участие в предвыборной кампании? Основных партий было три: Национально-социалистическая партия, секретарем которой был он сам, Партия народа во главе с председателем Самиром ар-Рифаи и Арабская конституционная партия (группа), которую возглавлял Тауфик Абу-ль-Хади. И вот что пишет Хазаа аль-Маджали: «Эти две партии и группа, или три партии, руководствовались личными склонностями тех людей, которые входили в них. У них не было партийной идеологии, однако они знали, что их основная цель — это получить власть, теплое местечко» (стр. 197).

Последний заряд своей ненависти ко всему демократическому, прогрессивному аль-Маджали выпускает по коалиционному правительству Сулеймана ан-Набулси, сформированному в начале ноября 1956 года, после выборов в новый парламент. Включение в состав правительства представителей Объединенного отечественного фронта, отмена англо-иорданского договора, решение установить дипломатические отношения с Советским Союзом и Китайской Народной Республикой — вот те акты правительства Набулси, которых не может простить ему Хазаа аль-Маджали.

В апреле 1957 года король уволил правительство Набулси в отставку. После кратковременного пребывания у власти кабинета Хусейна Фахри аль-Халиди во главе правительства встал Ибрахим Хашим. В стране было введено «чрезвычайное положение». Хусейн объявил по радио о роспуске всех политических партий; кровавый террор и репрессии стали основой внутренней жизни Иордании, а неуклонное следование в хвосте англо-американской политики и отказ от национальных интересов — основой ее внешнеполитического курса. Однако у Хазаа аль-Маджали свое мнение на этот счет. Он считает, что с приходом к власти правительства Ибрахима Хашима «начался конец эпохи смуты и анархии, ...который длился более года» (стр. 221).

«Воспоминания» бывшего премьер-министра Иордании, вопреки намерениям автора, разоблачают вероломную сущность внутренней и внешней политики, которую проводят нынешние правители этой страны.

Н. ЗАНД